

Борхес — это автор, который говорил обо всем.
Невозможно найти в истории культуры темы,
которой не коснулся бы Борхес.

Умберто Эко

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС

Сад
расходящихся
тропок

PREMIUM

Хорхе Луис Борхес

Сад расходящихся тропок

Серия «Азбука Premium»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66876113
Хорхе Луис Борхес Сад расходящихся тропок:
ISBN 978-5-389-20618-2

Аннотация

Хорхе Луис Борхес – один из самых известных писателей XX века, во многом определивший облик современной литературы. Тексты Борхеса, будь то художественная проза, поэзия или размышления, представляют собой своеобразную интеллектуальную игру, – они полны тайн и фантастических образов, чьи истоки следует искать в литературах и культурах прошлого.

В настоящее издание полностью вошли два сборника художественной прозы Х. Л. Борхеса: «Сад расходящихся тропок» и «Выдумки». Волшебные истории соседствуют здесь с детективными сюжетами, описания вымышленных цивилизаций – с приключениями аргентинских контрабандистов.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Сад расходящихся тропок	6
Предисловие	6
Тлён, Укбар, Орбис Терциус[5], [6]	8
Пьер Менар, автор «Дон Кихота»[50]	36
В кругу развалин[91]	53
Лотерея в Вавилоне	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Хорхе Луис Борхес

Сад расходящихся тропок

Jorge Luis Borges

FICCIONES

Copyright © 1995, María Kodama

All rights reserved

Азбука
PREMIUM

Серия «Азбука Premium»

Перевод с испанского Виктора Андреева, Бориса Дубина, Кирилла Корконосенко, Валентины Кулагиной-Ярцевой, Евгении Лысенко, Юрия Стефанова

Серийное оформление и оформление обложки Вадима Пожидаева

© В. Н. Андреев, перевод, 2011

© Б. В. Дубин (наследник), перевод, примечания, 2021

© К. С. Корконосенко, перевод, 2021

© В. С. Кулагина-Ярцева, перевод, 2000

© Е. М. Лысенко (наследник), перевод, 2021

© Ю. Н. Стефанов (наследники), перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Эстер Семборайн де Торрес¹

¹ *Эстер Семборайн де Торрес* – аргентинская писательница, позднее – соавтор Борхеса; они выпустили вместе книгу «Введение в литературу США» (1967). (Прим. Б. Дубин)

Сад расходящихся тропок

Предисловие

Семь произведений, составляющих эту книгу, не требуют особых разъяснений. Седьмой рассказ («Сад расходящихся тропок») – это детектив, читатели которого окажутся свидетелями совершения преступления, а также проследят за всеми приготовлениями к нему. Замысел преступника не будет скрыт от читателя, но, как мне кажется, и не будет им понят вплоть до последних строчек. Остальные рассказы написаны в жанре фантастики. Одному из них – «Лотерея в Вавилоне» – не чужд грех символизма. Что касается «Вавилонской библиотеки», то я не первый автор этого сюжета. Тем, кому интересны его история и предыстория, я могу предложить обратиться к одной из страниц пятьдесят девятого номера журнала «Юг»², где перечислены столь несхожие имена: Левкипп и Лассвиц, Льюис Кэрролл и Аристотель... В рассказе «В кругу развалин» нереально все; в «Пьере Менаре, авторе „Дон Кихота“» важно то, что внушает его главный герой. Список произведений, которые я ему приписываю, не слиш-

² ...пятьдесят девятого номера журнала «Юг»... – Речь идет об эссе «Всемирная библиотека». (Прим. Б. Дубин)

ком-то занимателен, но он вовсе не произволен: это некая диаграмма истории его разума.

Труд составителя толстых книг, труд того, кто должен растянуть на пятьсот страниц мысль, полное устное изложение которой занимает считанные минуты, тяжкий и изматывающий, сродни безумному бреду. Лучше поступить следующим образом: сделать вид, что эти толстые книги уже написаны, и предложить читателю их резюме, какой-то комментарий к этим текстам. Так поступил Карлейль в «Sartor Resartus», так же – Батлер в «The Fair Haven»^{3, 4}. Несовершенство этих произведений состоит в том, что они – тоже книги, при этом ничуть не менее вторичные, чем все другие. Будучи более практичным, более бездарным и более ленивым, я предпочел создавать комментарии и примечания к воображаемым книгам. Таковы «Тлён, Укбар, Орбис Терциус» и «Анализ творчества Герберта Куэйна».

Х. Л. Б.

Буэнос-Айрес, 10 ноября 1941 г.

Перевод В. Андреева

³ «Милый приют» (англ.).

⁴ «The Fair Haven» (1865) – религиозный трактат С. Батлера, написанный от лица некоего покойного Джона Пикарда Оуэна и сопровождаемый заметками и комментариями к нему. (Прим. Б. Дубин)

Тлён, Укбар, Орбис Терциус^{5, 6}

I

Открытием Укбара⁷ я обязан сочетанию зеркала и энциклопедии. Зеркало тревожно мерцало в глубине коридора в дачном доме на улице Гаона в Рамос-Ме-хиа; энциклопедия обманчиво называется «The Anglo-American Cyclopaedia» (Нью-Йорк, 1917) и представляет собою буквальную, но запоздалую перепечатку «Encyclopaedia Britannica» 1902 года. Дело было лет пять назад. В тот вечер у меня ужинал Бьой Касарес⁸ и мы засиделись, увлеченные

⁵ *Орбис Терциус* – третий мир (лат.).

⁶ В новелле есть отзвуки фантастического романа К. С. Льюиса «С молчаливой планеты»; Борхес рецензировал его в 1939 г. в журнале «Очаг». Кроме того, она многим обязана разговорам с Шуль-Соларом и знакомству с его библиотекой, «одной из лучших среди всех мною виданных», по свидетельству Борхеса. (*Прим. Б. Дубин*)

⁷ *Открытием Укбара...* – По соображениям новейших комментаторов (Николас Хелфт), на это «открытие» Борхеса натолкнула статья «Ур» (город в Вавилоне), впервые появившаяся именно в одиннадцатом издании «Британской энциклопедии», которое Борхес в 1929 г. купил себе на литературную премию. (*Прим. Б. Дубин*)

⁸ *Адольфо Бьой Касарес* (1914–1999) – аргентинский прозаик, друг и соавтор Борхеса (они познакомились в 1930 г. и, кроме книги «Шесть задач для дона Исидро Пароди», написали вместе сборник пародийных рецензий «Хроники Бусто-

спором о том, как лучше написать роман от первого лица, где рассказчик о каких-то событиях умалчивал бы или искажал бы их и впадал во всяческие противоречия, которые позволили бы некоторым – очень немногим – читателям угадать жестокую или банальную подоплеку. Из дальнего конца коридора за нами наблюдало зеркало. Мы обнаружили (поздней ночью подобные открытия неизбежны), что в зеркалах есть что-то жуткое. Тогда Бьой Касарес вспомнил, что один из ересиархов Укбара заявил: зеркала и совокупление отвратительны⁹, ибо умножают количество людей. Я спросил об источнике этого достопамятного изречения, и он ответил, что оно напечатано в «The Anglo-American Cyclopaedia», в статье об Укбаре. В нашем доме (который мы сняли с меблировкой) был экземпляр этого издания. На последних страницах тома XXVI мы нашли статью об Упсале; на первых страницах тома XXVII – статью об урало-алтайских языках, но ни единого слова об Укбаре. Бьой, слегка смущенный, взял тома указателя. Напрасно подбирал он все мыслимые транскрипции: Укбар, Угбар, Оокбар, Оукбар... Перед уходом он мне сказал, что это какая-то область в Ираке или в Малой

са Домека», 1957, составили антологии «Лучшие детективные рассказы», 1943; «Краткие и необычайные истории», 1955; «Книга рая и ада», 1960). Борхес внимательно рецензировал книги Боя 1930-х гг. и сопровождал предисловием его «Изобретение Мореля» (1940), первый фантастический роман Латинской Америки. (Прим. Б. Дубин)

⁹ ...зеркала и совокупление отвратительны... – автоцитата из новеллы «Хаким из Мерва», мнимо приписанная другому лицу (опять-таки мнимому). (Прим. Б. Дубин)

Азии. Признаюсь, я кивнул утвердительно, с чувством некоторой неловкости. Мне подумалось, что эта нигде не значащая страна и этот безымянный ересиарх были импровизированной выдумкой, которую Бьой из скромности хотел оправдать свою фразу. Бесплодное разглядывание одного из атласов Юстуса Пертеса¹⁰ укрепило мои подозрения.

На другой день Бьой позвонил мне из Буэнос-Айреса. Он сказал, что у него перед глазами статья об Укбаре в XXVI томе энциклопедии. Имени ересиарха там нет, но есть изложение его учения, сформулированное почти в тех же словах, какими он его передал, хотя, возможно, с литературной точки зрения менее удачное. Он сказал: «Copulation and mirrors are abominable»¹¹. Текст энциклопедии гласил: «Для одного из этих гностиков видимый мир был иллюзией или (что точнее) неким софизмом. Зеркала и деторождение ненавистны (mirrors and fatherhood are hateful), ибо умножают и распространяют существующее». Я совершенно искренне сказал, что хотел бы увидеть эту статью. Через несколько дней Бьой ее принес. Это меня удивило – ведь в подробнейших картографических указателях «Erdkunde»¹² Риттера¹³ не было и

¹⁰ *Иоганн Георг Юстус Пертес* (1749–1816) – немецкий издатель, основавший фирму, которая специализировалась на выпуске гео- и картографической литературы. (Прим. Б. Дубин)

¹¹ Совокупление и зеркала – отвратительны (англ.).

¹² «Землеведение» (нем.).

¹³ *Карл Риттер* (1779–1859) – немецкий географ, автор фундаментального труда «Землеведение» (9 т., 1822–1859). (Прим. Б. Дубин)

намека на название «Укбар».

Принесенный Бьоме том был действительно томом XXVI «Anglo-American Cyclopaedia». На суперобложке и на корешке порядковые слова были те же (Тор – Урс), что и в нашем экземпляре, но вместо 917 страниц было 921. На этих-то дополнительных четырех страницах и находилась статья об Укбаре, не предусмотренная (как читатель наверняка понял) словником. Впоследствии мы установили, что никаких других различий между томами нет. Оба (как я, кажется, уже говорил) – перепечатка десятого тома «Encyclopaedia Britannica». Свой экземпляр Бьоме приобрел на аукционе.

Мы внимательно прочли статью. Упомянутая Бьоме фраза была, пожалуй, единственным, что там поражало. Все прочее казалось весьма достоверным, было по стилю вполне в духе этого издания и (что естественно) скучновато. Перечитывая, мы обнаружили за этой строгостью слога существенную неопределенность. Из четырнадцати упомянутых в географической части названий мы отыскивали только три – Хорасан, Армения, Эрзерум, – как-то двусмысленно включенные в текст. Из имен исторических – лишь одно: обманщика и мага Смердиса¹⁴, приведенное скорее в смысле метафо-

¹⁴ *Смердис* (точнее, Лже-Смердис, или Лже-Бардия) – мидийский маг Гаумата, захвативший в 522 г. трон персидского царя Камбиза, воспользовавшись своим сходством с братом царя Смердисом, или Бардией, которого Камбиз тайно убил (Геродот, «История», III, 61–69), пал от руки заговорщиков. Иными словами, единственный «исторический» персонаж оказывается в новелле самозванцем и двойником. (Прим. Б. Дубин)

рическом. В статье как будто указывались границы Укбара, но опорные пункты назывались какие-то неизвестные – реки, да кратеры, да горные цепи этой же области. К примеру, мы прочитали, что на южной границе расположены низменность Цай-Хальдун и дельта реки Акса и что на островах этой дельты водятся дикие лошади. Это значилось на странице 918. Из исторического раздела (страница 920) мы узнали, что вследствие религиозных преследований в тринадцатом веке правоверные скрывались на островах, где до сих пор сохранились их обелиски и нередко попадаются их каменные зеркала. Раздел «Язык и литература» был короткий. Одно привлекало внимание: там говорилось, что литература Укбара имела фантастический характер и что тамошние эпopeи и легенды никогда не отражали действительности, но описывали воображаемые страны Млехнас и Тлён... В библиографии перечислялись четыре книги, которых мы до сих пор не отыскивали, хотя третья из них – Сайлес Хейзлем¹⁵, «History of the Land Called Uqbar»¹⁶, 1874 – значится в каталогах книжной лавки Бернарда Куорича¹⁷, ¹⁸. Пер-

¹⁵ Хейзлем – ложному автору присвоена фамилия английских предков Борхеса со стороны отца. «A General History of Labyrinths» – в 1935 г. Борхес в журнале «Обра» опубликовал под названием «Лабиринты» и под псевдонимом Дэниэл Хейзлем рецензию на эту несуществующую книгу, она включала в себя пересказ статьи о лабиринтах из 11-го издания «Британской энциклопедии». (Прим. Б. Дубин)

¹⁶ «История страны, именуемой Укбар» (англ.).

¹⁷ Хейзлем также опубликовал «A General History of Labyrinths» («Всеобщая

вая в списке «Lesbare und lesenwerthe Bemerkungen über das Land Ukkbar in Klein-Asien»¹⁹ имеет дату 1641 год и написана Иоганном Валентином Андрее²⁰. Факт, не лишенный интереса: несколько лет спустя я неожиданно встретил это имя у Де Куинси («Writings»²¹, том тринадцатый) и узнал, что оно принадлежит немецкому богослову, который в начале XVII века описал вымышленную общину розенкрейцеров – впоследствии основанную другими по образцу, созданному его воображением.

В тот же вечер мы отправились в Национальную библиотеку. Тщетно ворошили атласы, каталоги, ежегодники географических обществ, мемуары путешественников и историков – никто никогда не бывал в Укбаре. В общем указателе энциклопедии Бюя это название также не фигурировало.

история лабиринтов» (англ.)).

¹⁸ *Бернард Куорич* (1819–1899) – лондонский издатель и книготорговец. Упоминание его Борхесом, может быть, мотивировано тем, что через его лавку распространялся «Рубайят» Хайяма в переводе Э. Фитцджеральда, с которым Куорич много лет переписывался (письма изданы в 1926 г.). (Прим. Б. Дубин)

¹⁹ «Приятные и достойные прочтения сведения о стране Укбар в Малой Азии» (нем.).

²⁰ *Иоганн Валентин Андрее* (1586–1654) – немецкий оккультный мыслитель, создатель своеобразного мифа о Братстве Розы и Креста, автор религиозных мистерий и утопий «Откровение братства высокочтимого ордена розенкрейцеров» (1614), «Химическое бракосочетание Христиана Розенкрейца» (1616), «Христианская мифология» (1618), «Крепость Христа, или Описание республики Христианополь» (1619) и др.; упоминается у Де Куинси в эссе «Розенкрейцеры и франкмасоны». (Прим. Б. Дубин)

²¹ Сочинения (англ.).

На следующий день Карлос Мастронарди²² (которому я рассказал об этой истории) заметил в книжной лавке Корриентеса и Талькауано черные, позолоченные корешки «Anglo-American Cyclopaedia»... Он зашел в лавку и спросил том XXVI. Разумеется, там не было и намека на Укбар.

II

Какое-то слабое, все более угасающее воспоминание о Герберте Эше²³, инженере, служившем на Южной железной дороге, еще сохраняется в гостинице в Адрогé, среди буйной жимолости и в мнимой глубине зеркал. При жизни он, как многие англичане, вел существование почти призрачное; после смерти он уже не призрак даже, которым был раньше. А был он высок, худощав, с редкой прямоугольной, когда-то рыжей бородой и, как я понимаю, бездетный вдовец. Через каждые несколько лет ездил в Англию поглядеть там (сужу по фотографиям, которые он нам показывал) на сол-

²² *Карлос Мастронарди* (1901–1976) – аргентинский поэт и журналист, соратник Борхеса по временам буэнос-айресского авангарда 1920-х гг. В 1986-м, последнем году жизни, Борхес среди друзей юности вспомнил и Мастронарди (заметка «Вспоминая Карлоса Мастронарди» в газете «Паис», февраль 1986 г.). (Прим. Б. Дубин)

²³ ...о *Герберте Эше*... – Не исключено, что это скрытая отсылка к американскому китаисту, исследователю философии Чжуан-цзы Герберту Аллану Джайлсу, чьи идеи относительно китайского языка и мышления присутствуют в описании языка Тлэна; книги Джайлса публиковал опять-таки Бернард Куорич (см. выше). (Прим. Б. Дубин)

нечные часы и группу дубов. Мой отец с ним подружился (это, пожалуй, слишком сильно сказано), и дружба у них была вполне английская – из тех, что начинаются с отказа от доверительных признаний, а вскоре обходятся и без диалога. Они обменивались книгами и газетами, часто сражались в шахматы, но молча... Я вспоминаю его в коридоре отеля, с математической книгой в руке, глядящим на неповторимые краски неба. Как-то под вечер мы заговорили о двенадцатеричной системе счисления²⁴ (в которой двенадцать обозначается через 10). Эш сказал, что он как раз работает над перерасчетом каких-то двенадцатеричных таблиц в шестидесятеричные (в которых шестьдесят обозначается через 10). Он прибавил, что работу эту ему заказал один норвежец в Риу-Гранди-ду-Сул. Восемь лет были мы знакомы, и он ни разу не упомянул, что бывал в тех местах... Мы поговорили о пастушеской жизни, о «капангах»²⁵, о бразильской этимологии слова «гаучо», которое иные старики на востоке еще произносят «гау́чо», и – да простит меня Бог! – о двенадцатеричных функциях не было больше ни слова. В сентябре 1937 года (нас тогда в отеле не было) Герберт Эш скончался от разрыва аневризмы. За несколько дней до смерти он получил из Бразилии запечатанный и проштемпелеванный пакет.

²⁴ ...о двенадцатеричной системе счисления... – В 1939 г. Борхес рецензировал в журнале «Юг» книгу Джорджа С. Терри «Двенадцатеричная математика», где – отчасти в шутку – ссылаясь на давние аналогичные идеи своего друга Шуль-Солара. (Прим. Б. Дубин)

²⁵ Бандиты (порт.).

Это была книга ин-октаво. Эш оставил ее в баре, где – много месяцев спустя – я ее обнаружил. Я стал ее перелистывать и вдруг почувствовал легкое головокружение – свое изумление я не стану описывать, ибо речь идет не о моих чувствах, а об Укбаре и Тлёне и Орбис Терциус. Как учит ислам, в некую ночь, которая зовется Ночь Ночей, распахиваются настежь тайные врата небес и вода в кувшинах становится слаще; доведись мне увидеть эти распахнутые врата, я бы не почувствовал того, что почувствовал в этот вечер. Книга была на английском, 1001 страница. На желтом кожаном корешке я прочел любопытную надпись, которая повторялась на суперобложке: «A First Encyclopaedia of Tlön, vol. XI. Hlaer to Jangr»²⁶. Год и место издания не указаны. На первой странице и на листке папиросной бумаги, прикрывавшем одну из цветных таблиц, напечатан голубой овал со следующей надписью: «Orbis Tertius». Прошло уже два года с тех пор, как в томе некой пиратски изданной энциклопедии я обнаружил краткое описание вымышленной страны, – ныне случай подарил мне нечто более ценное и трудоемкое. Ныне я держал в руках обширный, методически составленный раздел со всей историей целой неведомой планеты, с ее архитектурой и распрями, со страхами ее мифологии и звуками ее языков, с ее властителями и морями, с ее минералами и птицами и рыбами, с ее алгеброй и огнем, с ее богословскими и метафизическими контroversиями. Все изложено чет-

²⁶ «Первая энциклопедия Тлёна. Том XI. Хлаер – Джангр» (англ.).

ко, связно, без тени намерения поучать или пародийности.

В Одиннадцатом Томе, о котором я рассказываю, есть отсылка к предыдущим и последующим томам. Нестор Ибарра в статье в «N. R. F.», ставшей уже классической, отрицает существование этих других томов; Эсекиель Мартинес Эстрада²⁷ и Дриё ла Рошель²⁸ опровергли – и, вероятно, с полным успехом – его сомнения. Однако факт, что покамест самые усердные розыски ничего не дают. Напрасно мы перевернули библиотеки обеих Америк и Европы. Альфонсо Рейес, устав от этих дополнительных трудов детективного свойства, предлагает всем нам сообща приняться за дело воссоздания многих недостающих пухлых томов: *ex ungue leonem*²⁹. Полушутя-полусерьезно он подсчитал, что тут хватит одного поколения «тленистов». Этот смелый вывод возвращает нас к основному вопросу: кто изобретатели Тлёна? Множественное число здесь необходимо, потому что гипотеза об одном изобретателе – этаким бесконечном Лейбнице, трудившемся во мраке неизвестности и скромности, –

²⁷ Эсекиель Мартинес Эстрада (1895–1970) – аргентинский поэт и эссеист, автор ряда социологических очерков о Латинской Америке. Борхес рецензировал в 1933 г. его эссе «Радиография пампы», представил его лирику в своей «Антологии аргентинской поэзии», а на склоне лет включил книгу его избранных стихов в свою «Личную библиотеку». В середине 1950-х гг. Мартинес Эстрада выступал леворадикальным оппонентом Борхеса. (Прим. Б. Дубин)

²⁸ Пьер Дриё ла Рошель (1893–1945) – французский писатель, один из первооткрывателей Борхеса в Европе, входил в редакционный совет журнала «Юг». (Прим. Б. Дубин)

²⁹ По когтю «воссоздать» льва (лат.).

была единодушно отвергнута. Вероятней всего, этот brave new world³⁰, ³¹ – создание тайного общества астрономов, биологов, инженеров, метафизиков, поэтов, химиков, алгебраистов, моралистов, художников, геометров... руководимых неизвестным гением. Людей, сведущих в этих различных науках, есть множество, однако мало есть способных к вымыслу и еще меньше способных подчинить вымысел строгому систематическому плану. План этот так обширен, что доля участия каждого бесконечно мала. Вначале полагали, будто Тлён – это сплошной хаос, безответственный разгул воображения; теперь известно, что это целый мир и что сформулированы, хотя бы предварительно, управляющие им внутренние законы. Кажущиеся противоречия Одиннадцатого Тома – это, могу уверить, краеугольный камень доказательства существования и других томов – такая явная, четкая упорядоченность соблюдена в его изложении. Популярные журналы, с извинительным для них увлечением, сделали общим достоянием зоологию и топографию Тлёна – думаю, что прозрачные тигры и кровавые башни, пожалуй, не заслуживают постоянного внимания всех людей. Попрошу лишь несколько минут, чтобы изложить концепцию мира в Тлёне.

Юм заметил – и это непреложно, – что аргументы Беркли не допускают и тени возражения и не внушают и те-

³⁰ Прекрасный новый мир (англ.).

³¹ «Brave New World» (1932) – антиутопический роман Олдоса Хаксли; его заглавие – цитата из шекспировской «Бури» (V, 1). (Прим. Б. Дубин)

ни убежденности. Это суждение целиком истинно применительно к нашей Земле и целиком ложно применительно к Тлёну. Народы той планеты от природы идеалисты. Их язык и производные от языка – религия, литература, метафизика – предполагают исходный идеализм. Мир для них – не собрание предметов в пространстве, но пестрый ряд отдельных поступков. Для него характерна временная, а не пространственная последовательность. В предполагаемом *Ursprache*³² Тлёна, от которого происходят «современные» языки и диалекты, нет существительных, в нем есть безличные глаголы с определениями в виде односложных суффиксов (или префиксов) с адвербиальным значением. Например: нет слова, соответствующего слову «луна», но есть глагол, который можно было бы перевести «лунить» или «лунарить». «Луна поднялась над рекой» звучит «хлёр у фанг аксаксакс млё», или, переводя слово за словом, «вверх над постоянным течь залунело».

Вышесказанное относится к языкам Южного полушария. В языках полушария Северного (о праязыке которых в Одиннадцатом Томе данных очень мало) первичной клеткой является не глагол, а односложное прилагательное. Существительное образуется путем накопления прилагательных. Не говорят «луна», но «воздушное-светлое на темном-круглом» или «нежном-оранжевом» вместо «неба» или берут любое другое сочетание. В избранном нами примере сочета-

³² Праязык (нем.).

ния прилагательных соответствуют реальному объекту – но это совершенно не обязательно. В литературе данного полушария (как в реальности Мейнонга) царят предметы идеальные, возникающие и исчезающие в единый миг по требованию поэтического замысла. Иногда их определяет только одновременность. Есть предметы, состоящие из двух качеств – видимого и слышимого: цвет восхода и отдаленный крик птицы. Есть состоящие из многих: солнце и вода против груди пловца; смутное розовое свечение за закрытыми веками, ощущения человека, отдающегося течению реки или объятиям сна. Эти объекты второй степени могут сочетаться с другими; с помощью некоторых аббревиатур весь процесс практически может быть бесконечен. Существуют знаменитые поэмы из одного огромнейшего слова. В этом слове интегрирован созданный автором «поэтический объект». Тот факт, что никто не верит в реальность существительных, парадоксальным образом приводит к тому, что их число бесконечно. В языках Северного полушария Тлёна есть все имена существительные индоевропейских языков – и еще много сверх того.

Можно без преувеличения сказать, что классическая культура Тлёна состоит всего лишь из одной дисциплины – психологии. Все прочие ей подчинены. Я уже говорил, что обитатели этой планеты понимают мир как ряд ментальных процессов, развертывающихся не в пространстве, а во временной последовательности. Спиноза приписывает своему

беспредельному божеству атрибуты протяженности и мышления; в Тлёне никто бы не понял противопоставления первого (характерного лишь для некоторых состояний) и второго – являющегося идеальным синонимом космоса. Иначе говоря: они не допускают, что нечто пространственное может длиться во времени. Зрительное восприятие дыма на горизонте, а затем выгоревшего поля, а затем полупогасшей сигары, причинившей ожог, рассматривается как пример ассоциации идей.

Этот тотальный монизм, или идеализм, делает всякую науку неполноценной. Чтобы объяснить (или определить) некий факт, надо связать его с другим; такая связь, по воззрениям жителей Тлёна, является последующим состоянием объекта, которое не может изменить или пояснить состояние предшествующее. Всякое состояние ума ни к чему не сводимо: даже простой факт называния – *id est*³³ классификации – приводит к искажению. Отсюда можно было бы заключить, что в Тлёне невозможны науки и даже просто рассуждение. Парадокс заключается в том, что науки существуют, и в бесчисленном количестве. С философскими учениями происходит то же, что с существительными в Северном полушарии. Тот факт, что всякая философия – это заведомо диалектическая игра, некая *Philosophie des Als Ob*^{34, 35}, способ-

³³ То есть (*лат.*).

³⁴ Философия как если бы (*нем.*).

³⁵ «*Philosophie des Als Ob*» (1877) – центральный труд немецкого философа-кан-

ствовал умножению систем. Там создана пропасть систем самых невероятных, но с изящным построением или сенсационным характером. Метафизики Тлёна не стремятся к истине, ни даже к правдоподобию – они ищут поражающего. По их мнению, метафизика – это ветвь фантастической литературы. Они знают, что всякая система есть не что иное, как подчинение всех аспектов мироздания какому-либо одному.

Даже выражение «все аспекты» не годится, ибо предполагает невозможное сочетание мига настоящего и миггов прошедших. Также недопустимо и множественное число – «миги прошедшие», – ибо этим как бы предполагается невозможность иного представления... Одна из философских школ Тлёна пришла к отрицанию времени: по ее рассуждению, настоящее неопределенно, будущее же реально лишь как мысль о нем в настоящем³⁶. Другая школа заявляет, что уже «все время» прошло и наша жизнь – это туманное воспоминание или отражение – конечно, искаженное и изувеченное – необратимого процесса. Еще одна школа находит, что история мира – а в ней история наших жизней и мельчайших подробностей наших жизней – записывается неким второстепенным богом в сговоре с демоном. Еще одна – что мир можно сравнить с теми криптограммами, в которых не

тианца Ханса Файхингера, где анализируется условный характер научных понятий и обыденных представлений о реальности. (Прим. Б. Дубин)

³⁶ Рассел («The Analysis of Mind» «Анализ мышления» (англ.), 1921, с. 159) предполагает, что наша планета создана всего несколько минут назад и населена жителями, которые лишь «вспоминают» иллюзорное прошлое.

все знаки наделены значением, и истинно только то, что происходит через каждые триста ночей. Еще одна – что, пока мы спим здесь, мы бодрствуем в ином мире, и, таким образом, каждый человек – это два человека.

Среди учений Тлёна ни одно не вызывало такого шума, как материализм. Некоторые мыслители сформулировали и его – скорее пылко, чем ясно, – в порядке некоего парадокса. Чтобы легче было понять сие непостижимое воззрение, один ересиарх одиннадцатого века³⁷ придумал софизм с девятью медными монетами, скандальная слава которого в Тлёне сравнима с репутацией элеатских апорий. Есть много версий этого «блестящего рассуждения», в которых указываются различные количества монет и находений; привожу самую распространенную.

«Во вторник X проходит по пустынной дороге и теряет девять медных монет. В четверг Y находит на дороге четыре монеты, слегка заржавевшие из-за случившегося в среду дождя. В пятницу Z обнаруживает на дороге три монеты. В ту же пятницу утром X находит две монеты в коридоре своего дома». Ересиарх хотел из этой истории сделать вывод о реальности – *id est* непрерывности бытия – девяти найденных монет. Он утверждал: «Абсурдно было бы думать, будто четыре из этих монет не существовали между вторником и четвергом, три монеты – между вторником и вечером пятницы и две – между вторником и утром пятницы. Логично

³⁷ В двенадцатеричной системе «век» – это период в сто сорок четыре года.

же думать, что они существовали – хотя бы каким-то потаенным образом, для человека непостижимым, – во все моменты этих трех отрезков времени».

Язык Тлёна был непригоден для формулирования этого парадокса – большинство так и не поняло его. Защитники здравого смысла сперва ограничились тем, что отказались верить в правдоподобие анекдота. Они твердили, что это – словесное жульничество, основанное на необычном употреблении двух неологизмов, не закреплённых обычаем и чуждых строгому логическому рассуждению, а именно глаголов «находить» и «терять», заключающих в себе предвосхищение основания, ибо они предполагают тождество первых девяти монет и последующих. Они напоминали, что всякое существительное (человек, монета, четверг, среда, дождь) имеет только метафорическое значение. Изобличалось коварное описание «слегка заржавевшие из-за случившегося в среду дождя», где предполагается то, что надо доказать: непрерывность существования четырех монет между вторником и четвергом. Объяснялось, что одно дело «подобие» и другое – «тождество», и было сформулировано некое *reductio ad absurdum*³⁸, или гипотетический случай, когда девять человек девять ночей подряд испытывают сильную боль. Разве не нелепо, спрашивали, предполагать, что эта боль всегда одна и та же?³⁹ Говорили, что у ересиарха бы-

³⁸ Сведение к абсурду (*лат.*).

³⁹ В настоящее время одна из церквей Тлёна платонически утверждает, что

ла лишь одна побудительная причина – кошунственное намерение приписать божественную категорию «бытия» обычным монетам – и что он то отрицает множественность, то признает ее. Приводился аргумент: если подобие предполагает тождество, следовало бы также допустить, что девять монет – это одна-единственная монета.

Невероятным образом эти опровержения были еще не последними. Через сто лет после того, как проблема была сформулирована, мыслитель, не менее блестящий, чем ересиарх, но принадлежавший к ортодоксальной традиции, высказал чрезвычайно смелую гипотезу. В его удачном предположении утверждается, что существует один-единственный субъект, что неделимый этот субъект есть каждое из существ вселенной и что все они суть органы или маски божества. X есть Y и Z. Z находит три монеты, так как вспоминает, что они потерялись у X; X обнаруживает две монеты в коридоре, так как вспоминает, что остальные уже подобраны... Из Одиннадцатого Тома явствует, что полная победа этого идеалистического пантеизма была обусловлена тремя основными факторами: первый – отвращение к солипсизму; второй – возможность сохранить психологию как основу наук; третий – возможность сохранить культ богов. Шопенгауэр (страстный и кристально ясный Шопенгауэр) формулирует весьма

данная боль, данный зеленоватый оттенок желтого, данная температура, данный звук суть единственная реальность. Все люди в головокружительный миг совкупления суть один человек. Все люди, повторяющие некую строку Шекспира, суть Уильям Шекспир.

близкое учение в первом томе «Parerga und Paralipomena»⁴⁰.

Геометрия Тлёна состоит из двух слегка различающихся дисциплин: зрительной и осязательной. Последняя соответствует нашей геометрии и считается подчиненной по отношению к первой. Основа зрительной геометрии – не точка, а поверхность. Эта геометрия не знает параллельных линий и заявляет, что человек, перемещаясь, изменяет окружающие его формы. Основой арифметики Тлёна является понятие бесконечных чисел. Особая важность придается понятиям большего и меньшего, которые нашими математиками обозначаются с помощью $>$ и $<$. Математики Тлёна утверждают, что сам процесс счета изменяет количество и превращает его из неопределенного в определенное. Тот факт, что несколько индивидуумов, подсчитывая одно и то же количество, приходят к одинаковому результату, представляет для психологов пример ассоциации идей или хорошего упражнения памяти. Мы уже знаем, что в Тлёне объект познания единствен и вечен.

В литературных обычаях также царит идея единственного объекта. Автор редко указывается. Нет понятия «плагиат»: само собой разумеется, что все произведения суть произведения одного автора, вневременного и анонимного. Критика иногда выдумывает авторов: выбираются два различных произведения – к примеру, «Дао дэ цзин» и «Тысяча и одна ночь», – приписывают их одному автору, а затем добросо-

⁴⁰ «Афоризмы и максимы» (греч., нем.).

вестно определяют психологию этого любопытного *homme de lettres*...⁴¹

Отличаются от наших также их книги. Беллетристика разрабатывает один-единственный сюжет со всеми мыслимыми перестановками. Книги философского характера неизменно содержат тезис и антитезис, строго соблюдаемые «про» и «контра» любого учения. Книга, в которой нет ее антикниги, считается незавершенной.

Многие века идеализма не преминули повлиять на реальность. В самых древних областях Тлёна нередки случаи удвоения потерянных предметов. Два человека ищут карандаш; первый находит и ничего не говорит; второй находит другой карандаш, не менее реальный, но более соответствующий его ожиданиям. Эти вторичные предметы называются «хрёнир», и они, хотя несколько менее изящны, зато более удобны. Еще до недавних пор «хрёниры» были случайными порождениями рассеянности и забывчивости. Трудно поверить, что методическое их создание насчитывает едва ли сто лет, но так утверждается в Одиннадцатом Томе. Первые попытки были безрезультатны. Однако *modus operandi*⁴² заслуживает упоминания. Комендант одной из государственных тюрем сообщил узникам, что в старом русле реки имеются древние захоронения, и посулил свободу тем, кто найдет что-нибудь стоящее. За несколько месяцев до начала раско-

⁴¹ Литератор (*фр.*).

⁴² Способ действий (*лат.*).

пок их познакомили с фотоснимками того, что они должны найти. Эта первая попытка показала, что надежда и жадность могут помешать: после недели работы лопатой и киркой не удалось откопать никакого «хрёна», кроме ржавого колеса, из эпохи более поздней, чем время эксперимента. Эксперимент держали в секрете, а затем повторили в четырех колледжах. В трех была полная неудача, в четвертом же (директор которого внезапно скончался в самом начале раскопок) ученики откопали – или создали – золотую маску, древний меч, две или три глиняные амфоры и зеленоватый, увечный торс царя с надписью на груди, которую расшифровать не удалось. Так обнаружилась непригодность свидетелей, знающих про экспериментальный характер поисков... Изыскания в массовом масштабе производят предметы с противоречивыми свойствами; предпочтение ныне отдается раскопкам индивидуальным, даже импровизированным. Методическая разработка «хрёниров» (сказано в Одиннадцатом Томе) сослужила археологам неоценимую службу: она позволила скрашивать и даже изменять прошлое, которое теперь не менее пластично и послушно, чем будущее. Любопытный факт: в «хрёнирах» второй и третьей степени – то есть «хрёнирах», производных от другого «хрёна», и «хрёнирах», производных от «хрёна» «хрёна», – отмечается усиление искажений исходного «хрёна»; «хрёниры» пятой степени почти подобны ему; «хрёниры» девятой степени можно спутать со второй; а в «хрёнирах» одиннадцатой сте-

пени наблюдается чистота линий, которой нет у оригиналов. Процесс тут периодический: в «хрёне» двенадцатой степени уже начинается ухудшение. Более удивителен и чист по форме, чем любой «хрэн», иногда бывает «ур» – предмет, произведенный внушением, объект, извлеченный из небытия надеждой. Великолепная золотая маска, о которой я говорил, – яркий тому пример.

Вещи в Тлёне удваиваются, но у них также есть тенденция меркнуть и утрачивать детали, когда люди про них забывают. Классический пример – порог, существовавший, пока на него ступал некий нищий, и исчезнувший из виду, когда тот умер. Случалось, какие-нибудь птицы или лошадь спасали от исчезновения развалины амфитеатра.

Сальто-Ориенталь, 1940

*Постскрипtum 1947 года*⁴³. Я привожу вышеизложенную статью в том виде, в каком она была напечатана в «Антологии фантастической литературы» в 1940 году, без сокращений, кроме нескольких метафор и своего рода шуточного заключения, которое теперь звучит легкомысленно. Столько событий произошло с того времени!.. Ограничусь кратким их перечнем.

В марте 1941-го в книге Хинтона, принадлежавшей Гер-

⁴³ *Постскрипtum 1947 года*. – На самом деле в журнале «Юг» и «Антологии фантастической литературы» рассказ вместе с этим постскриптумом напечатан уже в 1940 г. Прием вводит еще одну рамку – барьер условности – вокруг нескольких составляющих новеллу «текстов в тексте». (Прим. Б. Дубин)

берту Эшу, было обнаружено написанное от руки письмо Гуннара Эрфьорда. На конверте стоял почтовый штемпель Оуро-Прето⁴⁴; в письме полностью разъяснялась тайна Тлёна. Начало этой блестящей истории было положено в некий вечер первой половины XVII века – не то в Люцерне, не то в Лондоне. Было основано тайное и благорасположенное общество (среди членов которого был Дальгарно⁴⁵, а затем Джордж Беркли) с целью выдумать страну. В туманной первоначальной программе фигурировали «герметические штудии», благотворительность и каббала. К этому раннему периоду относится любопытная книга Андрее. После нескольких лет совещаний и предварительных обобщений члены общества поняли, что для воспроизведения целой страны не хватит одного поколения. Они решили, что каждый из входящих в общество должен избрать себе ученика для продолжения дела. Такая «наследственная» система оказалась эффективной: после двух веков гонений братство возродилось в Америке. В 1824 году в Мемфисе (штат Теннесси) один из участников заводит разговор с миллионером-аскетом Эзрой Бакли. Тот с некоторым презрением дает ему высказаться – и высмеивает скромность их плана. Бакли говорит, что в Америке нелепо выдумывать страну, и

⁴⁴ *Оуро-Прето* — городок на юго-востоке Бразилии. (Прим. Б. Дубин)

⁴⁵ *Джордж Дальгарно* (1626–1687) – английский (шотландский) мыслитель и педагог, в книге «Искусство знаков» (1661) предложивший проект универсального языка, которым, в частности, интересовался Лейбниц. (Прим. Б. Дубин)

предложил выдумать планету. К этой грандиозной идее он прибавил вторую, плод своего нигилизма⁴⁶: обязательно хранить гигантский замысел в тайне. В то время как раз были выпущены двадцать томов «Encyclopaedia Britannica»; Бакли предлагает создать методическую энциклопедию вымышленной планеты. Пусть себе описывают сколько хотят золотосные горные хребты, судоходные реки, луга с быками и бизонами, тамошних негров, публичные дома и доллары, но с одним условием: «Это произведение не вступит в союз с обманщиком Иисусом Христом». Бакли не верил в Бога, но хотел доказать несуществующему Богу, что смертные люди способны создать целый мир. Бакли умер от яда в Батон-Руж в 1828 году; в 1914 году общество вручает своим сотрудникам – а их было триста – последний том Первой энциклопедии Тлёна. Издание это тайное: составляющие его сорок томов (самое грандиозное сочинение, когда-либо затеянное людьми) должны были послужить основой для другого, более подробного, написанного уже не на английском языке, но на одном из языков Тлёна. Этот обзор иллюзорного мира предварительно и был назван *Orbis Tertius*, и одним из его скромных демиургов был Герберт Эш – то ли как агент Гуннара Эрфьорда, то ли как член общества. То, что он получил экземпляр Одиннадцатого Тома, как будто подкрепляет второе предположение. Ну а другие тома? В 1942 году события разыгрались одно за другим. С особенной четкостью вспо-

⁴⁶ Бакли был вольнодумец, фаталист и поборник рабства.

минается мне одно из первых, и, по-моему, я отчасти почувствовал его пророческий характер. Произошло оно в особенности на улице Лаприда напротив светлого, высокого, выходявшего на запад балкона. Княгиня де Фосиньи Люсенж⁴⁷ получила из Пуатье свою серебряную посуду. Из обширных недр ящика, испещренного иностранными печатями, появлялись изящные неподвижные вещи: серебро из Утрехта и Парижа с угловатой геральдической фауной, самовар. Среди всего этого живой, мелкой дрожью спящей птицы таинственно трепетал компас. Княгиня не признала его своим. Синяя стрелка устремлялась к магнитному полюсу, металлический корпус был выпуклый, буквы на его округлости соответствовали одному из алфавитов Тлёна. Таково было первое вторжение фантастического мира в мир реальный. Странно-тревожное совпадение сделало меня свидетелем и второго случая. Он произошел несколько месяцев спустя в харчевне одного бразильца в Кучилья-Негра. Аморим и я возвращались из Санта-Аны. Разлив реки Такуарембо вынудил нас испытать (и вытерпеть) тамошнее примитивное гостеприимство. Хозяин поставил для нас скрипучие кровати в большой комнате, загроможденной бочками и винными мехами. Мы улеглись, но до самого рассвета не давал нам уснуть пьяный сосед за стенкой, который то долго и вычурно ругался, то, завывая, распевал милонги – вернее, одну милонгу. Мы, естествен-

⁴⁷ Княгиня де Фосиньи Люсенж — аргентинка, светская знакомая Борхеса; упомянута в новелле «Бессмертный». (Прим. Б. Дубин)

но, приписывали эти нестихавшие вопли действию жгучей тростниковой водки нашего хозяина... На заре соседа нашли в коридоре мертвым. Его хриплый голос ввел нас в заблуждение – то был молодой парень. Из пояса пьяницы выпало несколько монет и конус из блестящего металла диаметром в игральную кость.

Напрасно какой-то мальчуган пытался подобрать этот конус. Его с трудом поднял взрослый мужчина. Я несколько минут подержал его на ладони; вспоминаю, что тяжесть была невыносимая, и, когда конус забрали, ощущение ее еще длилось какое-то время. Вспоминаю также четко очерченный кружок – след, оставшийся на ладони. Маленький предмет такой невероятной тяжести вызывал неприятное чувство отвращения и страха. Один из местных предложил бросить его в их быструю реку. За несколько песо Аморим его приобрел. О мертвом никто ничего не знал, кроме того, что он «с границ». Эти маленькие, тяжеленные конусы (из металла, на Земле неизвестного) являются символами божества в некоторых религиях Тлёна.

Здесь я заканчиваю лично меня касающуюся часть повествования. Остальное живет в памяти (если не в надеждах или страхах) всех моих читателей. Достаточно лишь напомнить или назвать следующие факты – в самых кратких словах, которые емкая всеобщая память может дополнить и развить. В 1944 году некто, изучавший газету «The American» (Нэшвилл, штат Теннесси), обнаружил в библио-

теке Мемфиса все сорок томов Первой энциклопедии Тлэна. До нынешнего дня продолжается спор, было ли то открытие случайное или же с соизволения правителей все еще туманного *Orbis Tertius*. Правдоподобнее второе. Некоторые невероятные утверждения Одиннадцатого Тома (например, размножение «хрёниров») в мемфисском экземпляре опущены или смягчены, можно предположить, что эти исправления внесены согласно с планом изобразить мир, который бы не был слишком уж несовместим с миром реальным. Рассеивание предметов из Тлэна по разным странам, видимо, должно было завершить этот план...⁴⁸ Факт, что мировая печать подняла невероятный шум вокруг «находки». Учебники, антологии, краткие изложения, точные переводы, авторизованные и пиратские перепечатки Величайшего Произведения Людей наводнили и продолжают наводнять земной шар. Почти сразу же реальность стала уступать в разных пунктах. Правда, она жаждала уступить. Десять лет тому назад достаточно было любого симметричного построения с видимостью порядка – диалектического материализма, антисемитизма, нацизма, – чтобы заморозить людей. Как же не поддаться обаянию Тлэна, подробной и очевидной картине упорядоченной планеты? Бесполезно возражать, что ведь реальность тоже упорядочена. Да, возможно, но упорядочена-то она согласно законам божественным – даю перевод: законам бесчеловечным, которые нам никогда не постигнуть.

⁴⁸ Естественно, остается проблема «материальности» некоторых объектов.

Тлён – даже если это лабиринт, зато лабиринт, придуманный людьми, лабиринт, созданный для того, чтобы в нем разбегались люди.

Контакты с Тлёном и привычка к нему разложили наш мир. Очарованное стройностью, человечество все больше забывает, что это стройность замысла шахматистов, а не ангелов. Уже проник в школы «первоначальный язык» (гипотетический) Тлёна, уже преподавание гармоничной (и полной волнующих эпизодов) истории Тлёна заслонило ту историю, которая властвовала над моим детством; уже в памяти людей фиктивное прошлое вытесняет другое, о котором мы ничего с уверенностью не знаем – даже того, что оно лживо. Произошли перемены в нумизматике, в фармакологии и археологии. Думаю, что и биологию, и математику также ожидают превращения... Рассеянная по земному шару династия ученых-одиночек изменила лик Земли. Их дело продолжается. Если наши предсказания сбудутся, то лет через сто кто-нибудь обнаружит сто томов Второй энциклопедии Тлёна.

Тогда исчезнут с нашей планеты английский, и французский, и испанский языки. Мир станет Тлёном. Мне это все равно, в тихом убежище отеля в Адрогге я занимаюсь обработкой переложения в духе Кеведо (печатать его я не собираюсь) «Urn Burial»⁴⁹ Брауна.

Перевод Е. Лысенко

⁴⁹ «Погребальная урна» (англ.).

Пьер Менар, автор «Дон Кихота»⁵⁰

*Сильвине Окампо*⁵¹

Зримые произведения, оставленные этим романистом, можно легко и быстро перечислить. Непростительны поэтому пропуски и прибавления, сделанные мадам Анри Башелье в ее недостоверном каталоге, который некая газетка, чье «протестантское» направление отнюдь не секрет, легкомысленно рекомендовала своим жалким читателям – пусть их и немного и они кальвинисты, если не масоны или обрезанные. У истинных друзей Менара каталог этот вызвал тревогу и даже скорбь. Всего лишь вчера мы собирались у могильного мрамора, среди траурных кипарисов, и вот уже Ошибка пытается очернить его Память... Нет, решительно необходимо

⁵⁰ Замысел рассказа возник в больнице, где Борхес оказался в 1938 г. с заражением крови; пытаясь этими фантазиями мысленно собрать себя, писатель действительно стал возвращаться к жизни. С этой новеллы, построенной на идее письма как повторения, переписывания, началась новая, зрелая манера, которая воплотилась в книгах «Сад расходящихся тропок» (1941), «Вымышленные истории» (1944), «Алеф» (1949). (Прим. Б. Дубин)

⁵¹ *Сильвина Окампо* (1903–1994) – аргентинская писательница, друг Борхеса, вместе (и в соавторстве с А. Бьоме Касаресом) они составили «Антологию фантастической литературы» и «Антологию аргентинской поэзии» (1941). В 1943 г. Борхес откликнулся в журнале «Юг» рецензией на книгу стихов Окампо «Перечень родины». (Прим. Б. Дубин)

написать краткое опровержение.

Я понимаю, что мой скудный авторитет совсем нетрудно опспорить. Надеюсь все же, что мне не запретят привести два высокочтимых свидетельства. Баронесса де Бакур (на чьих незабываемых пятницах я имел честь познакомиться с оплакиваемым нами поэтом) соизволила одобрить ниженаписанное. Графиня де Баньореджо, славившаяся среди самых утонченных умов княжества Монако (а ныне – Питсбурга, штат Пенсильвания, после недавнего брака с международным филантропом Симоном Каучем, – увы! – столь бесстыдно оклеветанным жертвами его бескорыстных операций), отказалась «ради истины и смерти» (таковы ее слова) от аристократической сдержанности, ее отличающей, и в открытом письме, опубликованном в журнале «Люкс», также выражает мне свое одобрение. Этих высоких рекомендаций, полагаю, достаточно. Я уже сказал, что «зримые» произведения Менара легко перечислить. Тщательно изучив его личный архив, я убедился, что он состоит из следующих материалов:

а) Символистский сонет, дважды печатавшийся (с вариантами) в журнале «Ла Конк»⁵² (номера за март и октябрь 1899).

б) Монография о возможности создания поэтического

⁵² «Ла Конк» («Раковина») – литературный журнал, издававшийся поздним символистом, французским поэтом Пьером Луисом, здесь были напечатаны две редакции сонета Ст. Малларме «Веер», несколько ранних стихотворений П. Валери. (Прим. Б. Дубин)

словаря понятий, которые были бы не синонимами или перифразами слов, образующих обычный язык, «но идеальными объектами, созданными по взаимному согласию и предназначенными для сугубо поэтических нужд» (Ним, 1901).

в) Монография об «определенных связях или родстве» мыслей Декарта, Лейбница и Джона Уилкинса (Ним, 1903).

г) Монография о «*Characteristica universalis*»⁵³, ⁵⁴ Лейбница (Ним, 1904).

д) Статья технического характера о возможности обогатить игру в шахматы, устранив одну из ладейных пешек. Менар предлагает, рекомендует, обсуждает и в конце концов отвергает это новшество.

е) Монография об «*Ars magna generalis*»⁵⁵ Раймунда Луллия (Ним, 1906).

ж) Перевод с введением и примечаниями «Книги свободного изобретения и искусства игры в шахматы» Руй Лопеса де Сегуры⁵⁶ (Париж, 1907).

з) Черновики монографии о символической логике Джорджа Буля.

⁵³ «Универсальная символика» (лат.).

⁵⁴ «*Characteristica universalis*» – так иногда называют диссертацию Лейбница «О комбинаторном искусстве» (1666) по центральному для нее понятию «универсальной символики». В его разработке Лейбниц следовал идеям Р. Луллия, Николая Кузанского, Дж. Бруно и др. (Прим. Б. Дубин)

⁵⁵ «Великое искусство» (лат.).

⁵⁶ Руй Лопес де Сегура (XVI в.) – испанский теоретик шахматной игры. (Прим. Б. Дубин)

и) Обзор основных метрических законов французской прозы, иллюстрированный примерами из Сен-Симона⁵⁷ («Ревю де ланг роман», Монпелье, октябрь 1909).

к) Ответ Люку Дюртену⁵⁸ (отрицавшему наличие таких законов), иллюстрированный примерами из Люка Дюртена («Ревю де ланг роман», Монпелье, декабрь 1909).

л) Рукопись перевода «Компаса для культистского плаванья» Кеведо, озаглавленная «La boussole des précieux»⁵⁹, ⁶⁰.

м) Предисловие к каталогу выставки литографий Каролуса Уркада (Ним, 1914).

н) Книга «Les problèmes d'un problème»⁶¹ (Париж, 1917), рассматривающая в хронологическом порядке решения знаменитой задачи об Ахиллесе и черепахе. На сегодняшний день существуют два издания этой книги – на втором в качестве эпиграфа стоит совет Лейбница: «Ne craignez point, monsieur, la tortue»⁶², ⁶³, и в нем несколько обновлены главы,

⁵⁷ *Луи де Рувруа Сен-Симон* (1675–1755) – французский придворный, автор блестящих «Мемуаров» (опубл. 1829–1831). (Прим. Б. Дубин)

⁵⁸ *Люк Дюртен* (наст. имя Андре Невё; 1881–1959) – французский писатель, публицист левой ориентации, автор записок о поездке в СССР. (Прим. Б. Дубин)

⁵⁹ «Компас жеманников» (фр.).

⁶⁰ *Précieux* (фр. жеманники) – явление аристократического быта и салонных вкусов, сложившееся во Франции около середины XVII в. и отраженное в маньеристской поэзии В. Вуатюра, прециозных романах М. де Скюдери; над ним издевался Мольер («Смешные жеманницы», 1659). (Прим. Б. Дубин)

⁶¹ «Проблемы одной задачи» (фр.).

⁶² Не надо бояться черепахи, сударь (фр.).

⁶³ «Ne craignez point, monsieur, la tortue» – из письма Лейбница французскому

посвященные Расселу и Декарту.

о) Подробное исследование «синтаксических привычек» Туле⁶⁴ («N.R.F.», март 1921). Менар там – напоминая – заявлял, что осуждение или похвала – это проявления сантиментов, не имеющие ничего общего с критикой.

п) Переложение александрийскими стихами «Cimetière marin»⁶⁵ Поля Валери («N. R. F.», январь 1928).

р) Инвектива против Поля Валери в «Страницах, уничтожающих действительность» Жака Ребуля⁶⁶. (Эта инвектива, кстати сказать, представляет собою точно вывернутое наизнанку подлинное его мнение о Валери. Последний так это и понял, и старая дружба обоих не подверглась никакой опасности.)

с) «Определение» графини де Баньореджо в «победоносном томе» – выражение другого его участника, Габриэле Д'Аннунцио, – который ежегодно издает эта дама, дабы исправлять неизбежные ошибки прессы и представить «миру и Италии» правдивый свой образ, столь часто страдающий (именно по причине ее красоты и деятельности) от ошибоч-

философу Симону Фуше (1644–1696). (Прим. Б. Дубин)

⁶⁴ Поль-Жан Туле (1867–1920) – французский поэт, автор книги «Антистихи», изданной посмертно (1921). (Прим. Б. Дубин)

⁶⁵ «Приморское кладбище» (фр.).

⁶⁶ ...Жака Ребуля. – Учитывая нимское происхождение заглавного героя, можно видеть в этой фамилии отсылку к французскому поэту и прозаику, коренному нимцу Жану Ребулю (1796–1864); на его стихи написаны романсы Р. Вагнера и С. Франка. (Прим. Б. Дубин)

ных или слишком поспешных суждений.

т) Цикл превосходных сонетов, обращенных к баронессе де Бакур (1934).

у) Написанные от руки стихи, эффект которых в пунктуации⁶⁷.

До сих пор речь шла (без каких-либо пропусков, кроме нескольких незначительных сонетов на случай – «гостеприимному» или «жадному» – из альбома мадам Анри Башелье) о «зримых» произведениях Менара в хронологическом порядке. Теперь перехожу к другим: к творчеству подспудному, безмерно героическому, несравненному. Но также – о жалкие возможности человеческие! – незавершенному. Это произведение – пожалуй, наиболее показательное для нашего времени – состоит из девятой и тридцать восьмой глав первой части «Дон Кихота» и фрагмента главы двадцать второй. Знаю, что подобное утверждение может показаться нелепостью; дать пояснение этой «нелепости» и будет первой задачей моей заметки⁶⁸.

⁶⁷ Мадам Анри Башелье упоминает также французский перевод с испанского перевода «Introduction à la vie dévote» «Введение в благочестивую жизнь» (*фр.*) святого Франциска Сальского, сделанного Кеведо. В библиотеке Пьера Менара нет и следа подобного произведения. Наверно, то просто была плохо расслышанная шутка нашего друга. [*Introduction à la vie dévote*] (1608) – трактат французского богослова Франциска Сальского, в переводе Кеведо опубликован в 1634 г. (Прим. Б. Дубин)]

⁶⁸ Было у меня также тайное намерение начертить образ Пьера Менара. Но могу ли я посметь состязаться с золотыми страницами, которые, говорят мне, готовит баронесса де Бакур, или с изящным и точным карандашом Каролюса

Замысел Менара возник под влиянием двух текстов неравного достоинства. Один из них – филологический фрагмент Новалиса⁶⁹ (тот, что значится за номером 2005 в дрезденском издании), где намечена тема «полного отождествления» с неким определенным автором. Другой текст – одна из тех паразитарных книг, которые помещают Христа на парижский бульвар, Гамлета на Каннебьер⁷⁰ или Дон Кихота на Уолл-стрит. Как всякий человек с хорошим вкусом, Менар питал отвращение к этим бессмысленным карнавалам, пригодным лишь на то, – говаривал он, – чтобы возбуждать плебейское удовольствие анахронизмом или (еще хуже!) морочить нас примитивной идеей, будто все эпохи одинаковы либо будто все они различны. Более интересной, хотя по исполнению противоречивой и поверхностной, считал он блестящую мысль Доде⁷¹: соединить в «одной» фигуре, то есть в Тартарене, Хитроумного Идальго и его оруженосца... Люди, намекавшие, что Менар посвятил свою жизнь сочинению современного «Дон Кихота», клеветают на его светлую память.

Уркада?

⁶⁹ ...фрагмент Новалиса... – «Я могу быть на самом деле убежден, что понял автора, только если я в силах полностью отождествиться с ним в любом движении духа, только если я в состоянии, не искажая его своеобразности, перевести и преобразить его мысль на сто разных ладов». (Прим. Б. Дубин)

⁷⁰ Каннебьер — улица в Марселе. (Прим. Б. Дубин)

⁷¹ ...блестящую мысль Доде... – «Необычайные приключения Тартарена из Тараскона», гл. VI. (Прим. Б. Дубин)

Не второго «Дон Кихота» хотел он сочинить – это было бы нетрудно, – но именно «Дон Кихота». Излишне говорить, что он отнюдь не имел в виду механическое копирование, не намеревался переписывать роман. Его дерзновенный замысел состоял в том, чтобы создать несколько страниц, которые бы совпадали – слово в слово и строка в строку – с написанными Мигелем де Сервантесом.

«Моя цель совершенно необычна, – писал он мне 30 сентября из Байонны. – Конечный пункт всякого теологического или метафизического доказательства – внешний мир, Бог, случайность, универсальные формы – столь же избит и всем известен, как этот знаменитый роман. Единственное различие состоит в том, что философы в увлекательных книгах публикуют промежуточные этапы своей работы, а я решил их пропустить». И действительно, не осталось ни одного черновика, который отразил бы его многолетний труд.

Вначале он наметил себе относительно простой метод. Хорошо изучить испанский, возродить в себе католическую веру, сражаться с маврами или с турками, забыть историю Европы между 1602 и 1918 годами, «быть» Мигелем де Сервантесом. Пьер Менар тщательно обдумал этот способ (я знаю, что он достиг довольно приличного знания испанского языка семнадцатого века), но отверг его как чересчур легкий. Вернее, как невозможный! – скажет читатель. Согласен. Но ведь само предприятие было заведомо невозможным, и из всех невозможных способов осуществить его этот был

наименее интересным. Быть в двадцатом веке популярным романистом семнадцатого века Менар счел для себя умалением. Быть в той или иной мере Сервантесом и прийти к «Дон Кихоту» он счел менее трудным путем – и, следовательно, менее увлекательным, – чем продолжать быть Пьером Менаром и прийти к «Дон Кихоту» через жизненный опыт Пьера Менара. (Это убеждение, замечу кстати, побудило его опустить автобиографическое вступление ко второй части «Дон Кихота». Включить это вступление означало бы создать еще один персонаж, Сервантеса, но также означало бы представить «Дон Кихота» производным от этого персонажа, а не от Менара. Разумеется, этот легкий путь он отверг.) «Мое предприятие, по существу, не трудно, – читаю я в другом месте его письма. – Чтобы довести его до конца, мне надо было бы только быть бессмертным». Признаться ли, что я часто воображаю, будто он его завершил и будто я читаю «Дон Кихота» – всего «Дон Кихота», – как если бы его придумал Менар? Недавно ночью, листая главу XXVI, – за которую он никогда не брался, – я узнал стиль нашего друга и как бы его голос в этой необычной фразе: «Речные нимфы⁷², скорбная и влажная Эхо». Это впечатляющее сочетание эпитетов, обозначающих моральные и физические качества, привело мне на память стих Шекспира, который мы как-то вечером обсуждали:

⁷² ...«Речные нимфы...» — «Дон Кихот», I, 26. (Прим. Б. Дубин)

Но почему же именно «Дон Кихот»? – спросит наш читатель. У испанца такой выбор не был бы загадочен, но он бесспорно загадочен у символиста из Нима, страстного поклонника По, который породил Бодлера, который породил Малларме, который породил Валери, который породил Эдмона Тэста. Цитированное выше письмо отвечает на этот вопрос. «Дон Кихот, – объясняет Менар, – меня глубоко интересует, но не кажется мне, как бы это выразить, неизбежным. Я не могу вообразить себе мир без восклицания По:

Ah! Bear in mind this garden was enchanted!^{75, 76} —

или без „Le bateau ivre“⁷⁷, или без „The Ancient Mariner“^{78, 79}, но чувствую себя способным вообразить его без „Дон Кихота“. (Естественно, я говорю о своей личной способности, а не об историческом резонансе этих произве-

⁷³ Где злобный и тюрбаноносный турок... (англ.)

⁷⁴ *Where a malignant...* – «Отелло», V, 2. (Прим. Б. Дубин)

⁷⁵ Ах, не забудь, что сад был зачарован! (англ.)

⁷⁶ *Ah! Bear in mind...* – строка из стихотворения Эдгара По «К Елене» (1848). Борхес уже приводил ее в рецензии на книгу Э. Шенкса об Эдгаре По (журнал «Очаг», 1937). (Прим. Б. Дубин)

⁷⁷ «Пьяный корабль» (фр.).

⁷⁸ «Старый моряк» (англ.).

⁷⁹ «*Le bateau ivre*», «*The Ancient Mariner*» – два эти видения уже были соединены у Борхеса в эссе «Переводчики „Тысячи и одной ночи“». (Прим. Б. Дубин)

дений.) „Дон Кихот“ – книга случайная, „Дон Кихот“ вовсе не необходим. Я могу представить себе, как его написать, могу написать его, не рискуя впасть в тавтологию. Читал я его в двенадцать или тринадцать лет, и, вероятно, целиком. Впоследствии я внимательно перечитывал отдельные главы, те, к которым пока не буду подступаться. Изучал я также интермедии, комедии, „Галатею“, „Назидательные новеллы“⁸⁰, бесспорно злосчастные „Странствия Персилеса и Сехизмунды“ и „Путешествие на Парнас“... Общее мое впечатление от „Дон Кихота“, упрощенное забывчивостью и равнодушием, можно вполне приравнять к смутному предварительному образу еще не написанной книги. Приняв как предпосылку этот образ (существование которого в моем уме никто по совести не может отрицать), остается признать, что моя задача гораздо труднее, чем задача Сервантеса. Мой покладистый предшественник не уклонялся от помощи случая: он сочинял свое бессмертное произведение немного à la diable⁸¹, увлеченный инерцией языка и своей фантазии. Мною же руководит таинственный долг воспроизвести буквально его спонтанно созданный роман. Моя игра в одиночку будет подчинена двум полярно противоположным правилам. Первое разрешает мне пробовать любые варианты формального или психологического свойства; второе требу-

⁸⁰ ...«Галатею», «Назидательные новеллы»... – Перечисляются произведения Сервантеса разных лет, принадлежащие к различным жанрам. (Прим. Б. Дубин)

⁸¹ Наудачу (*фр.*).

ет жертвовать ими ради „оригинального“ текста и обосновать непреложными доводами их уничтожение... К этим искусственным путам надо прибавить еще одно родственное им ограничение. Сочинить „Дон Кихота“ в начале семнадцатого века было предприятием разумным, необходимым, быть может, фатальным; в начале двадцатого века оно почти неосуществимо. Не напрасно ведь прошли триста лет, заполненных сложнейшими событиями. Среди них – чтобы назвать хоть одно – самим „Дон Кихотом“».

Несмотря на эти три препятствия, фрагментарный «Дон Кихот» Менара – произведение более тонкое, чем у Сервантеса. Сервантес попросту противопоставляет рыцарским вымыслам убогую провинциальную реальность своей страны; Менар избирает в качестве «реальности» страну Кармен в век Лепанто и Лопе. Сколько всяких испанских штучек подсказал бы подобный выбор Морису Барресу⁸² или доктору Родригесу Ларрете! Менар – что совершенно естественно – их избегает. В его произведении нет ни цыганщины, ни конкистадоров, ни мистиков, ни Филиппа Второго, ни аутодафе. Местным колоритом он пренебрегает или запрещает его себе. Это пренебрежение указывает историческому роману новый путь. Это пренебрежение – безапелляционный приговор «Саламбо».

Не меньше поражают отдельные главы. Рассмотрим, на-

⁸² *Баррес* — в данном случае речь идет о его книгах испанской тематики – «Тайна Толедо» и др. (Прим. Б. Дубин)

пример, главу XXXVIII первой части, «где приводится любопытная речь Дон Кихота о военном поприще и учености». Известно, что Дон Кихот (как Кеведо в аналогичном и более позднем пассаже из «Часа воздаяния»⁸³) решает дело в пользу военного поприща, а не учености. Сервантес – старый воин, его приговор понятен. Но чтобы Дон Кихот у Пьера Менара – современника «*La trahison des clercs*»⁸⁴, ⁸⁵ и Бертрана Рассела – снова вдавался в эти туманные софистические рассуждения! Мадам Башелье усмотрела в них разительное и очень типичное подчинение автора психологии героя; другие (отнюдь не проницательные!) – просто «копию» «Дон Кихота»; баронесса де Бакур – влияние Ницше. К этому третьему толкованию (на мой взгляд, неопровержимому), сам не знаю, решусь ли прибавить четвертое, вполне согласующееся с почти божественной скромностью Пьера Менара – его грустной или иронической манерой пропагандировать идеи, являющиеся точной противоположностью тех, которых придерживался он сам. (Напомним еще раз о его диктатрибе против Поля Валери на страницах эфемерного сюрреалистического журнальчика Жака Ребуля.) Текст Сервантеса и текст Менара в словесном плане идентичны, однако

⁸³ «Час воздаяния и Разумная Фортуна» (опубл. 1650) – собрание гротескных сценок Ф. Кеведо. (Прим. Б. Дубин)

⁸⁴ «Вероотступничество грамотеев» (фр.).

⁸⁵ «*La trahison des clercs*» (1927) – нашумевшая в свое время книга французского писателя Жюльена Бенда, где интеллектуалы обвинялись в политической вовлеченности и духовном отступничестве. (Прим. Б. Дубин)

второй бесконечно более богат по содержанию. (Более двусмыслен, скажут его хулители; но ведь двусмысленность – это богатство.)

Сравнивать «Дон Кихота» Менара и «Дон Кихота» Сервантеса – это подлинное откровение! Сервантес, к примеру, писал («Дон Кихот», часть первая, глава девятая):

«...истина – мать которой история, соперница времени, сокровищница деяний, свидетельница прошлого, пример и поучение настоящему, предостережение будущему».

Написанный в семнадцатом веке, написанный «талантом-самоучкой» Сервантесом, этот перечень – чисто риторическое восхваление истории. Менар же пишет:

«...истина – мать которой история, соперница времени, сокровищница деяний, свидетельница прошлого, пример и поучение настоящему, предостережение будущему».

История – «мать» истины; поразительная мысль! Менар, современник Уильяма Джеймса, определяет историю не как исследование реальности, а как ее источник. Историческая истина для него не то, что произошло, она то, что, как мы полагаем, произошло.

Заключительные слова – «пример и поучение настоящему, предостережение будущему» – нагло прагматичны.

Столь же ярок контраст стилей. Архаизирующий стиль Менара – иностранца как-никак – грешит некоторой аффектацией. Этого нет у его предшественника, свободно владеющего общепринятым испанским языком своей эпохи.

Нет такого интеллектуального упражнения, которое в итоге не принесло бы пользы. Любое философское учение – это сперва некое правдоподобное описание вселенной; проходят годы, и вот оно всего лишь глава – если не абзац или не одно имя – в истории философии. В литературе подобное устаревание еще более явно. «Дон Кихот», говорил мне Менар, был прежде всего занимательной книгой; ныне он – предлог для патриотических тостов, для высокомерия грамматиков, для неприлично роскошных изданий. Слава – это непонимание, а может, и того хуже.

В этих нигилистических выпадах нет ничего нового – удивительно решение, к которому они привели Пьера Менара. Он вознамерился стать выше тщеславия, подстерегающего человека во всех его трудах, он затеял дело сложнейшее и заведомо пустое. Всю свою добросовестность и часы бдения он посвятил тому, чтобы повторить на чужом языке уже существующую книгу. Черновикам не было счета, он упорно правил и рвал в клочки тысячи исписанных страниц⁸⁶. Он никому не позволял взглянуть на них и позаботился, чтобы они его не пережили. Я пытался их восстановить, но безуспешно.

И вот я размышляю над тем, что «окончательного» «Дон Кихота» надо было бы рассматривать как своего рода палимпсест, в котором должны сквозить контуры – еле замет-

⁸⁶ Вспоминаю его тетради в клеточку, его пометки черными чернилами, его особые корректурные знаки и мелкие, как мошкара, буквочки. Он любил в сумерки гулять по окраинам Нима – каждый раз брал с собою тетрадь и разводил веселый костер.

ные, но поддающиеся расшифровке – «более раннего» почерка нашего друга. К сожалению, лишь некий второй Пьер Менар, проделав в обратном порядке работу своего предшественника, сумел бы откопать и воскресить эту Троию...

«Думать, анализировать, изобретать, – писал он мне еще, – это вовсе не аномалия, это нормальное дыхание разума. Прославлять случайный плод подобных его функций, копить древние и чужие мысли, вспоминать с недоверчивым изумлением то, что думал *doctor universalis*⁸⁷, – означает признаваться в нашем слабосилии или в нашем невежестве. Всякий человек должен быть способен вместить все идеи, и полагаю, что в будущем он таким будет».

Менар (возможно, сам того не желая) обогатил кропотливое и примитивное искусство чтения техническим приемом нарочитого анахронизма и ложных атрибуций. Прием этот имеет безграничное применение – он соблазняет нас читать «Одиссею» как произведение более позднее, чем «Энеида», и книгу «*Le jardin du Centaure*»⁸⁸, ⁸⁹ мадам Анри Башелье, как если бы ее написала мадам Анри Башелье. Этот прием населяет приключениями самые мирные книги. Приписать

⁸⁷ *Doctor universalis* — почетный титул немецкого богослова и естествоиспытателя Альберта Великого; позже он применялся к Фоме Аквинскому и другим схоластам Средневековья. (Прим. Б. Дубин)

⁸⁸ «Сад кентавра» (*фр.*).

⁸⁹ «*Le jardin du Centaure*» — в данном контексте «кентавр» может отсылать и к одноименному позднесимволистскому журналу, где печатались стихи Валери и его «Вечер с господином Тэстом». (Прим. Б. Дубин)

Луи Фердинанду Селину или Джеймсу Джойсу «О подражании Христу»⁹⁰ – разве это не внесло бы заметную новизну в эти тонкие духовные наставления?

Ним, 1939 г.

Перевод Е. Лысенко

⁹⁰ «*О подражании Христу*» – трактат, который приписывается нидерландскому богослову Фоме Кемпийскому (ок. 1380–1471); идея хронологической перетасовки писателей и их книг обсуждается Борхесом неоднократно (см. новеллу «Тлён, Укбар, Орбис Терциус»). (Прим. Б. Дубин)

В кругу развалин⁹¹

And if he left off dreaming about you...
«Through the Looking-Glass», IV^{92, 93}

Никто не видел, как он приплыл в сплошной темноте; никто не видел, как бамбуковый челнок погружался в священную топь, но уже через несколько дней все вокруг рассказывали, что молчаливый человек прибыл с юга и родился в одной из бесчисленных деревушек вверх по реке, на безжалостных кручах, где язык зенд⁹⁴ не затронут греческим и редко встретишь проказу. А на самом деле седой человек пал на топкую кромку, вскарабкался по склону, не отводя (и, видимо, не замечая) раздиравших тело колючек, и, шатаясь и кровоточа, дотащился до круглого сооружения когда-то цве-

⁹¹ Исследователи видят в рассказе, среди прочего, влияние новеллы Джованни Папини «Последний визит Больного Джентльмена» (сб. «Трагическая повседневность», 1906), включенной Борхесом в «Антологию фантастической литературы». (Прим. Б. Дубин)

⁹² И если он прекратит грезить о вас... – «В Зазеркалье», IV (англ.).

⁹³ «Through the Looking-Glass» (1871) – сказочная повесть Льюиса Кэрролла, процитированный ее фрагмент Борхес включил в свою «Антологию фантастической литературы» (см.: Антология фантастической литературы / Сост. Х. Л. Борхес, А. Бьой Касарес, С. Окампо. СПб.: Амфора, 1999. С. 367). (Прим. Б. Дубин)

⁹⁴ Зенд — иранская народность; языком зенд иногда (и неточно) называют авестийский. (Прим. Б. Дубин)

та пламени, а теперь – пепла, которое венчала каменная фигура то ли тигра, то ли коня. Здание было храмом, чьи стены изуродовали давние пожары и осквернили болотные заросли, а божество уже много лет не принимало людских почестей. Чужак рухнул у цоколя. Разбудило его высоко стоявшее солнце. Он безучастно убедился, что раны зарубцевались, прикрыл поблекшие глаза и снова уснул – не по слабости плоти, но усилием воли. Теперь он знал, что именно этот храм и нужен для его несокрушимого замысла, знал, что бессчетные деревья вниз по реке все-таки не стерли развалин другого подходящего для его целей храма, чьи боги тоже обуглены и мертвы; знал, что первейшая забота сейчас – сон. Глубокой ночью его разбудил безутешный крик птицы. По следам босых ступней, смоквам и кувшину рядом он понял, что окрестные жители с почтением следили за сном пришельца, ища его покровительства или опасаясь колдовства. Он похолодел от страха и, отыскав в щербатой стене погребальную нишу, залез в нее и укрылся неизвестными листьями.

Ведший его замысел был хоть и сверхъестественным, но не безнадежным. Он намеревался создать во сне человека: создать во всей филигранной полноте, чтобы потом приобщить к действительности. Этот колдовской план поглощал его целиком: поинтересуйся кто-нибудь его именем или какой-то деталью из прежней жизни, и он бы, пожалуй, не сразу ответил. Разрушенный и безлюдный храм вполне устра-

ивал чужака, как и соседство земледельцев, взявшихся удовлетворять его скромные аппетиты. Подношений из риса и плодов с избытком хватало телу, отданному единственной заботе – спать и грезить.

Вначале сны были сумбурными и лишь понемногу обрели связность. Пришелец видел себя посреди круглого амфитеатра, чем-то напоминавшего сожженный храм: тысячи учеников томили ряды скамей, лица последних проступали в бесконечной дали и на высоте звезд, но рисовались в мельчайших подробностях. Он читал лекции по анатомии, космографии, магии; они усердно слушали и старались отвечать толково, словно понимая важность испытания, которое освобождает одного из них от бесплодного и призрачного удела, включив в реальность. И во сне, и наяву наставник взвешивал ответы своих видений, не позволяя плутам себя провести и угадывая в замешательстве иных пробуждающийся разум. Он искал душу, достойную причащения к миру.

Ночей через девять-десять он не без горечи признался себе, что от учеников, покорно впитывающих уроки, ждать нечего, – надеяться можно лишь на тех, кто время от времени решается ему осмысленно возражать. Первые хоть и заслуживают любви и тепла, никогда не поднимутся до уровня личности, последние сумеют несколько больше. Однажды вечером (вечера теперь тоже отводились снам, а бодрствованию – лишь час-другой поутру) он навсегда распустил свою огромную призрачную школу и остался с единствен-

ным питомцем. Это был молчаливый, смуглый, порою упрямый мальчик с тонким лицом, напоминающим самого сновидца. Внезапное исчезновение однокашников не обескуражило его; успехи, заметные уже после нескольких частных уроков, поразили наставника. Но крах приближался. Однажды человек выкарабкался из топкой пустыни сна, увидел бессмысленный луч заката, который на миг спутал с рассветом, и понял, что не спал. Всю ночь и весь следующий день его изводила невыносимая ясность бессонницы. Он попробовал углубиться в чашу, выбиться из сил, но едва сумел найти в зарослях цикуты несколько минут некрепкого забытья с беглыми, полузачаточными видениями. Все было бесполезно. Он попробовал вновь собрать свою аудиторию, но не успел сложить и нескольких поучительных слов, как лица расплылись и стерлись. Почти не смыкаясь, его стариковские глаза горели от злых слез.

Он понял, что придать форму бессвязному, мутящему разум веществу, из которого созданы наши сны⁹⁵, – самая трудная среди задач, выпадающих на долю человека, даже если он постиг все тайны неба и земли; это труднее, чем вить веревку из песка⁹⁶ или чеканить бесплотный ветер. Понял, что

⁹⁵ ...веществу, из которого созданы наши сны... – Многократно цитированные Борхесом слова из шекспировской «Бури» (IV, 1). (Прим. Б. Дубин)

⁹⁶ ...вить веревку из песка... – Это выражение тщеты человеческих усилий приводит как пословицу Ириней Лионский в труде «Против ересей» (I, 8, 1), относя его к гностикам; его повторяет английский барочный поэт Джордж Херберт в строке, которую Борхес взял эпиграфом к новелле «Книга песка». (Прим. Б. Ду-

первый провал был неизбежен. Сновидец поклялся стереть из памяти исполинское наваждение, с самого начала сбившее его с пути, и стал искать другой подход. Но прежде он посвятил месяц восстановлению сил, растраченных в пустом бреду. Он выбросил из головы даже мысль о сновидениях и тут же впал в забытие на добрую часть дня. В редкие минуты, когда сны ему все-таки снились, он старался на них не задерживаться. Чтобы вернуться к замыслу, он дождался полнолуния. На закате омылся в водах реки, почтил небесных богов, произнес заветные звуки всемогущего имени и уснул. Тут же ему представилось бьющееся сердце.

Он видел его – живое, крохотное, затаенное, размером с кулак и цвета коралла – в полутьме человеческой плоти без лица и пола; раз за разом он с терпением и любовью воспроизводил его четырнадцать безоблачных ночей. И с каждой ночью сердце проступало все подробней. Он не касался его рукой, лишь находя, окидывая и порой подправляя глазами. Он обрисовывал, обживал его взглядом, поворачивал то так, то этак, то приближаясь, то отходя. Только через две недели он обвел пальцем легочную артерию и все сердце целиком, изнутри и снаружи. Создатель остался доволен. Он прервал свой труд на одну ночь, а потом снова представил себе сердце, испросил благословение звезд и принялся за другие части тела. К концу года он дошел до костяка, до глазниц. Самыми трудными оказались неисчислимые волоски на ко-

же. И вот перед ним был весь человек разом – юноша, пока еще недвигающийся, не говорящий и не открывающий глаз. Ночь за ночью сновидец любовался им, спящим.

В космогониях гностиков творящие силы замешивают из красной глины Адама, который не держится на ногах; таким же нескладным, грубым и безыскусным, как тот, глиняный, был и этот сновиденный Адам, сработанный кудесником ночь за ночью. Однажды вечером создатель чуть было не разбил свое творение, но удержался. (И напрасно.) Принеся благодарственные жертвы божествам земли и воды, он пал к изножью фигуры то ли тигра, то ли коня и взмолился о его неведомой поддержке. Тем же вечером изваяние приснилось ему – живое, движущееся: не чудовищный выродок тигра и коня, нет, оба этих диких существа разом, а кроме того, бык, роза и ураган. Многоликий Бог рассказал, что его земное имя – Огонь, что в этом круглом храме (и других таких же) ему воздавались почести и приносились жертвы и он в силах своим волшебством оживить сновиденный призрак так, что все, за вычетом сновидца и самого Огня, будут видеть в нем человека из плоти и крови. Он наказал обучить создание обрядам и отправить его в другой разрушенный храм, чьи пирамиды еще сохранились вниз по реке, дабы хоть один голос славил Бога в обезлюдевшем святилище. На этом призрак, приснившийся спящему, очнулся.

Кудесник исполнил наказ. Он посвятил положенный срок (составивший два года) тому, чтобы приобщить новорож-

денного к таинствам мира и культу огня. В душе он уже страдал от будущей разлуки. Под предлогом учебы день за днем продлевал часы, отведенные сну. Взялся переделывать у своего творения правое плечо, как будто не совсем удачное. Иногда его посещало странное чувство, словно все это уже было... И все-таки дни наполняла радость; он закрывал глаза и говорил себе: «Сейчас я встречу с сыном». А порой: «Зачатый мною сын ждет и не может жить без меня».

Мало-помалу он приучал его к реальности. Однажды приказал ему водрузить флаг на отдаленной вершине. Поутру флаг полыхал над ней. Устраивал он и другие похожие опыты, раз от разу все рискованней. С горечью он признался себе, что сын готов явиться в мир – и как можно скорей. Той же ночью сновидец впервые поцеловал его и отправил в другой храм, чьи развалины белели вниз по реке, далеко за непроходимой чащей и топью. Но прежде (чтобы тот никогда не догадался, что он лишь призрак, и считал себя обычным человеком) создатель начисто стер из его памяти годы ученичества.

Его удовлетворение и спокойствие перемежались хандрой. В сумерках поутру и на закате он склонялся перед каменным изваянием, воображая, что его призрачный сын, наверное, исполняет эти же обряды в кругу других развалин вниз по реке; ночью ему не снилось ничего или то же, что всем на свете. Звуки и краски окружающего делались все глуше: как будто далекий сын поглощал крупички его души.

Цель жизни была достигнута, он коротал дни в странном самозабвении. Через какое-то время, которое одни рассказчики измеряют в годах, а другие – в пятилетиях, его разбудили среди ночи двое приплывших по реке: лиц он не разглядел, а услышал лишь рассказ о человеке из Северного храма, способном ходить по костру не обжигаясь. Кудесник тут же вспомнил слова Бога. Вспомнил: среди всего, населяющего землю, только Огонь знает, что его сын – призрак. Воспоминание сначала успокоило, а потом вдруг пронзило его. Он испугался, как бы сын не стал размышлять о своем необыкновенном отличии и ненароком не понял, что он – простая подделка. Быть не человеком, а всего лишь отражением чьего-то сна – какая обидная, мутящая разум участь! Каждый отец беспокоится о детях, которых в замешательстве или радости произвел (а точнее – допустил родиться) на свет; стоит ли удивляться, что кудесник тревожился о будущем сына, жилка за жилкой и черта за чертой созданного им за тысячу и одну затаенную ото всех ночь.

Конец раздумий наступил внезапно, хотя были и предвестья. Сначала (после долгой засухи) – отдаленное, легкое, как птица, облачко над вершиной; потом – небо к югу, тронутое розовым, будто десны леопарда; еще позже – клубы дыма, проржавившего сталь ночей, и, наконец, паническое бегство животных. Так повторялось случившееся много веков назад. Развалины храма, посвященного Богу Огня, были вновь сметены огнем. Утром – без единой птицы – кудес-

ник увидел, что он – в кольце стен, охваченных пламенем. На миг он заколебался, не укрыться ли в реке, но сказал себе, что смерть пришла увенчать его старость и освободить от трудов. И шагнул навстречу огненным ключьям. Но те не ужалили тела – они приласкали и обняли его, не опалая и не пепеля. С облегчением, с покорностью он понял, что и сам – лишь призрак, снящийся другому.

Перевод Б. Дубина

Лотерея в Вавилоне

Как все мужчины в Вавилоне, я побывал проконсулом; как все – рабом; изведаль я и всемогущество, и позор, и темницу. Глядите, на правой руке у меня нет указательного пальца. Глядите, сквозь дыру в плаще видна красная татуировка на животе – это вторая буква, «бет». В ночи полнолуния она дает мне власть над людьми, чей знак буква «гимель», но подчиняет меня людям с «алефом», которые в безлунные ночи должны покоряться людям с «гимелем». В преддрасветных сумерках, в подземелье, я убивал перед черным камнем священных быков. В течение лунного года я был объявлен невидимым: я кричал, и мне не отвечали, воровал хлеб, и меня не карали. Я познал то, чего не знают греки, – неуверенность. В медной камере, в виду платка безмолвного душителя, меня не покидала надежда; в потоке наслаждений – панический страх. Как сообщает с восхищением Гераклид Понтийский, Пифагор вспоминал, что он был Пирром⁹⁷

⁹⁷ ...Пифагор вспоминал, что он был Пирром... – См.: Диоген Лаэртский «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», VIII, 5. К идее метемпсихоза и этим словам Пифагора не раз обращался Лейбниц («Новые опыты о человеческом разумении», 1, 3). (Прим. Б. Дубин)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.